— Сначала ты, — Оуэн улыбнулся и невозмутимо продолжил: — Мелодия, которую ты услышал, возможно, была сыграна мной.

— Чтобы приманить напарников? — спросил Чжоу Фань.

— Нет, — Оуэн слегка покачал головой.

Он вернулся к пианино, бережно опустил крышку и поправил накидку.

— Чтобы приманить Люси.

Словно в ответ на эти слова, откуда-то издалека послышались тяжелые шаги, которые становились всё ближе.

— Бах!

— Бах-бах-бах!

Снаружи, в коридоре, раздался неистовый грохот: кто-то с яростью колотил в дверь.

Дверное полотно, далеко не самое прочное, ходило ходуном под ударами Люси, казалось, она вот-вот вышибет его.

Даже в такой ситуации Оуэн невозмутимо просматривал ноты на подставке. Керосиновая лампа стояла на крышке пианино. Чжоу Фань, стоявший неподвижно, спрятал руки в карманы толстовки и мельком взглянул на партитуру.

Раны на пальцах, разъеденные дождевой водой, саднило, словно их прижигали огнем, а кровь пропитала кожу.

Чжоу Фань не знал, существует ли в Сновидении понятие инфекции, но старался лишний раз не обнажать поврежденную кожу.

Бесконечные удары довели замок до предела, щель между дверью и косяком начала стремительно расширяться.

Оуэн закрыл ноты и пробормотал, словно в бреду:

— Эта пьеса называется Фиалки.

Он тихонько напел несколько тактов — мелодия была очень теплой, похожей на ту, что любая мать напевает ребенку перед сном.

Произошло неожиданное: стук за дверью стих.

Чжоу Фань понимал, что Люси всё еще там, но она перестала ломиться. Она стояла неподвижно, издавая из горла невнятные, нечленораздельные звуки.

Эта мелодия была ей до боли знакома — настолько, что даже превратившись в гниющую плоть, тело всё равно узнало её в ту же секунду.

Когда-то это было её любимое произведение, которое она играла в четыре руки вместе с детьми.

— Хозяйка очень любила фиалки, — Оуэн постучал пальцами по крышке пианино и констатировал: — А её муж и дети знали об этой любви и старались её радовать. Поэтому в оранжерее росли фиалки разных цветов, в вазах каждый день стояли свежие букеты, и звучала эта музыка… Когда-то они были очень дружны.

В этом доме всё дышало фиалками, пока в их жизнь не вмешался дьявол.

Чжоу Фань достал столовый нож и негромко произнес:

— Похоже, ты многое знаешь.

— Просто мне доводилось выращивать фиалки, — мягко ответил Оуэн.

Он не стал объяснять, как нашел ключ, чтобы попасть в мастерскую и в этот дом, как и не объяснил, почему вернулся на второй этаж, словно всё происходящее было в порядке вещей.

Чжоу Фань не ответил, сжал нож и подошел к двери.

Пока Люси снаружи и дверь еще не выбита, нужно воспользоваться моментом и проверить, действует ли чистое серебро на призраков.

Он использовал слабый свет лампы, чтобы привлечь внимание Люси, и просунул нож сквозь щель.

Не будучи уверенным, поможет ли окровавленное серебро против духа, он другой рукой нащупал лом, готовый в случае промаха пустить его в ход.

В ту же секунду, как он выставил нож, призрак намертво вцепился ему в запястье. Рука мертвеца была ледяной, она сжала его руку с ножом, а сама Люси начала с новой силой биться в дверь.

При закрытии двери он неизбежно должен был прищемить себе руку, но Чжоу Фань даже не дрогнул. Он резко развернул запястье, полоснув ножом по гниющей руке Люси, и одновременно дернул ломом, освобождаясь от захвата.

Он заметил, что Люси боится прямого контакта с серебром: даже хватая его, она старалась касаться только запястья, а не самого лезвия.

Получив рану, Люси инстинктивно отпрянула. Порез был неглубоким, но из него тут же поползли узоры, похожие на ржавчину, отчего она взвыла от боли.

Значит, серебра она действительно боится.

Чжоу Фань потряс рукой — на запястье отчетливо проступил синяк, подтверждая чудовищную силу призрака.

Щелк.

Тихий звук треска привлек его внимание: нож, который он держал, покрылся трещинами, и от малейшего усилия мог рассыпаться на куски.

Чжоу Фань замер: оказывается, эти артефакты одноразовые.

Боль лишь разозлила Люси, она принялась колотить в дверь с удвоенной яростью. Еще пара ударов, и дверь не выдержит.

— Мы идем… — Чжоу Фань обернулся и осекся.

Комната была пуста. Осталась только керосиновая лампа, а Оуэн исчез. Лампа стояла у пианино, словно он оставил её специально для него.

Главный вход в музыкальную комнату блокировала Люси, а другого выхода он не слышал. Куда делся Оуэн — оставалось загадкой.

Чжоу Фань не стал медлить, подхватил лампу и снова вышел на балкон.

Вернувшись в мастерскую, он сразу заметил, что обстановка изменилась.

Мольберт у окна переставили к столу с гипсовыми слепками, а рисунок на нем сменился с серо-фиолетовых цветов на перевернутый окровавленный крест. Все гипсовые модели были развернуты лицами к входящему, глядя на него с жутким выражением. Мусор в виде обрывков бумаги перенесли к дверям, в воздухе висел слабый запах гари, словно здесь что-то недавно жгли.

Чжоу Фань тут же вспомнил обгоревшую картину в коридоре. Жаль, что сейчас там бродит Люси, и проверить её не получится.

Он бежал так быстро, что случайно задел гипсовый слепок. Тот упал и разбился, оказавшись внутри полым.

Чжоу Фань взглянул на осколки и внезапно осенило: если все эти модели полые, не спрятаны ли в них подсказки?

Человек решительный, он прислушался, прикинул, сколько времени есть до возвращения Люси, и начал один за другим разбивать все слепки в ряду.

В тишине мастерской зазвучал хруст ломающегося гипса. Чжоу Фань быстро перебирал осколки и действительно нашел кое-что — блестящий ключ без каких-либо пометок.

Шаги становились всё ближе. Не успев рассмотреть находку, он сунул ключ в карман и выскочил из мастерской.

На втором этаже было всего пара комнат, прятаться здесь было не лучшей идеей. Хотя он хотел вернуться в кладовку, Люси наступала на пятки, и ему не оставалось ничего, кроме как спуститься вниз.

Внизу тоже слышались шорохи: возможно, другие напарники, услышав шаги на лестнице, поняли, что Люси идет за ними, и в спешке меняли укрытие.

Чжоу Фань проскочил через гостиную, Люси следовала буквально по пятам — пару раз её когти едва не задели край его толстовки.

Скорость Люси росла. Если так пойдет и дальше, то в следующий раз она будет двигаться так быстро, что никто из них просто не успеет убежать.

Сердце снова пронзила нестерпимая боль. Чжоу Фань сжал губы, услышав справа шорох, словно кто-то постучал по дверному косяку, и кубарем влетел в столовую. Как только он

оказался внутри, кто-то захлопнул дверь на засов и потащил его дальше.

— Наконец-то нашли тебя! — Чжан Цо, увидев его бледное лицо, обеспокоенно спросил: — Ты в порядке? Тебе плохо?

— Все нормально, старые болячки, — сухо ответил Чжоу Фань.

Эти недомогания мучили его всю жизнь. В обычное время он был здоров, но иногда случались приступы головной боли, колющие боли в сердце и даже беспричинные носовые кровотечения. Федерация достигла невероятных высот в медицине, излечивая многие смертельные болезни, но причину его состояния врачи так и не смогли диагностировать.

Средний уровень здоровья, избегайте нагрузок — таков был стандартный совет медицинской системы.

Дверь на время задержала Люси. Они сделали большой крюк через гостиную и остановились лишь тогда, когда звуки погони окончательно стихли.

Чжоу Фань выровнял дыхание, силой подавляя боль в груди, и почувствовал, как бешено бьющееся сердце замедляется.

Чжан Цо аккуратно закрыл дверь и подошел к нему:

— Отдохни немного. Ты выглядишь неважно, ты ранен?

Справедливости ради, Чжоу Фань выглядел гораздо хуже своего напарника: бледные губы, кровавые полосы на щеках от дождевой воды, запёкшаяся кровь на пальцах, синяк на запястье, да и вся толстовка была в пыли после того, как он провалялся на полу.

— Я в порядке, — Чжоу Фань покачал головой. Он выглядел ужасно, но серьезных ран не было.

Чжан Цо не стал настаивать и достал из кармана несколько пожелтевших листков бумаги:

— Нашел, пока убегал, но информации мало, я ничего не понял. Посмотри, может, ты разберешься.

Чжоу Фань взял листы. На каждом было всего по паре предложений.

21 июля, год хххх, темнота.

Он сказал, что сегодня опять нельзя выходить.

27 июля, год хххх, ясно.

Этот человек снова пришел, мне так больно, я даже хотела проклясть его, чтобы он умер.

Я знаю, что не должна быть такой жестокой. Боже, прости меня.

2 августа, год хххх, темнота.

Свечи закончились, осталось немного спичек.

На четвертом листе записи обрывались. Края бумаги были обуглены, что напомнило Чжоу Фаню ту сгоревшую картину в мастерской.

Он потер пальцем край бумаги, собираясь обсудить это с Чжан Цо, как вдруг пространство вокруг него привычно исказилось.

Вокруг была тьма.

Даже закрыв и открыв глаза, он видел лишь пустоту.

Чжоу Фань моргнул и протянул руку вперед, понимая, что это не просто воспоминание, а полное погружение.

По крайней мере, перед ним был предмет — деревянная поверхность с несколькими коробками, видимо, стол.

Чье это воспоминание?

Поскольку света не было, он решил положиться на осязание. Его руки стали маленькими, пальцы — тонкими, черты лица — мягкими, а на голове… два хвостика?

Он осознал, что находится в теле маленькой девочки. Скорее всего, Джейн.

Неужели это тот период, когда Джейн заперли на чердаке?

Он опустился на пол, нащупал край лестницы и хотел было постучать, как вдруг услышал снизу голоса.

— Сколько еще раз нужно провести обряд, чтобы окончательно изгнать дьявола? — это был голос Люси.

Другой, незнакомый мужской голос ответил с неприятным высокомерием:

— Изначально можно было изгнать его сразу, но вы упустили время. Джейн поддалась искушению и совершила дурные поступки, что лишь усилило мощь демона. Теперь всё гораздо сложнее.

Люси с тревогой спросила:

— Но если мы не изгоним его как можно скорее, как Джейн вернется к своей прежней жизнерадостности?

— Это поправимо, — мужчина задумчиво помолчал. — Если вы готовы жертвовать, заниматься благотворительностью и открывать свои сердца Богу, Его свет озарит вас, и дьяволу негде будет спрятаться.

— Хорошо, как только Ино вернется, я скажу ему.

— И еще, благотворительность должна быть правильной. Будет плохо, если вы поможете последователям дьявола. Лучше жертвуйте церкви, — почуяв выгоду, голос мужчины стал намного дружелюбнее.

Голоса начали удаляться. Чжоу Фань припал к полу, пытаясь расслышать еще хоть что-то, но вместо этого почувствовал жар.

Нет, не жар — пол под ним нагревался.

Чжоу Фань приложил руку к деревянной лестнице — она становилась обжигающе горячей.

Что происходит?

Он встал, чувствуя недоброе предчувствие.

Вскоре весь пол раскалился, а из щелей между лестницей и стеной повалил густой дым. Даже в темноте он чувствовал, как дым заполняет всё пространство, становясь невыносимо едким.

Чжоу Фань прикрыл нос и рот рукой, забившись в самый дальний угол, но дым проникал повсюду. Тело маленькой девочки было слишком слабым, и он зашелся в приступе кашля.

Внезапно он вспомнил ту обугленную картину. Неужели это тот самый пожар?

http://bllate.org/book/20332/2030408